

Кіевская Маса.

Пятница, 12 Марта 1910 г.

№ 11.

Приложение къ № 71.

П. Д. Боборыкинъ.
(Къ 50-лѣт. литературной дѣятельности).

Н. С. Лѣсковъ въ послѣдніе годы жизни.
(Къ 15-лѣтію со дня смерти).
По рисунку И. Е. Рѣпина, грав. проф. В. Матѣ.

**

Я не хочу найти желанное!
Одна въ душѣ моей отрада:
Найти неясное, туманное...
Мнѣ достижимаго не надо.
Любовь моя—всегда красива.
Въ ней неизбывное мученіе.
Она не можетъ быть счастливой,
И ей не нужно исполненія.
Любовь моя—меня обманетъ...
Предвижу вѣчное страданіе.
Люблю я только то, что манитъ,
Что недоступно обладанію.

Ольга Гилярова.

Подъ шопотъ розъ.

Склонившись къ моему нѣмому изголовью,
И что-то мнѣ шепча съ задумчивой любовью—

Храня стыдливость нѣжныхъ позъ,
Близъ ложа моего стоятъ шесть розъ...

Ты мнѣ ихъ принесла, какъ первый
даръ весенній,—
Шесть блѣдно-желтыхъ розъ, раскры-
тыхъ, какъ уста...
И въ этотъ тихій часъ, къ тебѣ, среди
видѣній,
Подъ шопотъ розъ, летятъ моя мечта...

А розы слушаютъ нагѣвъ мечты безсонной...
Вотъ, какъ слеза, упалъ безшумно лепе-
стокъ,

И тихій, тихій вздохъ той розы наклонен-
ной—
Влетѣлъ въ созвучіе моихъ пѣвучихъ
строкъ...

Уснуло все кругомъ... Ты далеко, род-
ная,—
Мной утомленная,—ты, вѣрно, сладко
спишь...
А мнѣ не спится все... Безтрепетно-
пѣмая,—
Въ моемъ углу царитъ задумчивая
тишь...

Михаилъ Гальперинъ.

Сенаторъ Н. А. Дедюлинъ.
(Къ предстоящимъ ревизіямъ).

Астрономъ Джіованни Скіапарелли (въ молодости).
(Къ 75-лѣтію со дня рожденія).

КОЛЬЦО.

Разсказъ Поля Гейзе.

(Перев. съ нѣмецкаго).

(Окончаніе*).

Скоро виконтъ сталъ бывать у насъ часто, сдѣлался нашимъ другомъ, но мужъ не ревновалъ, да, впрочемъ, и не имѣлъ повода къ этому, такъ какъ я никогда не оставалась наединѣ съ виконтомъ.

Мы проводили восхитительные вечера! Съ нимъ часто приходилъ графъ Фенелонъ, который тогда ухаживалъ за Еленой; молодежь занималась музыкой, а Гастонъ читалъ мнѣ лучшія произведенія французской литературы, съ которыми я до того времени была плохо знакома. И такъ протекали незабвенные часы, хотя ни одного слова любви между нами сказано не было. И однако... я узнала, что онъ меня любитъ; я видѣла это по его глазамъ, помимо воли выдававшимъ тайну его сердца, по тому, какъ онъ неожиданно замолкалъ среди разговора и по всѣмъ тѣмъ неувидимымъ для посторонняго зрителя признакамъ, по которымъ женщина всегда узнаетъ, что она любима.

Такъ продолжалось всю зиму. Это было самое блаженное время нашей жизни.

Чувство, которое мы съ Гастономъ питали другъ къ другу, было до сихъ поръ такъ чисто, что я не считала этого даже измѣной мужу. Я не думала о будущемъ, наслаждалась исключительно настоящимъ: частыми посѣщеніями моего очарователь-

наго друга, нашими задушевными разговорами. Мнѣ и теперь еще слышится его проникающій въ душу, бархатный голосъ, когда, входя въ гостиную, онъ произносилъ съ забавнымъ акцентомъ, по-нѣмецки: „Здравствуйте мадаме Герцъ! Какъ поживаете?“ или когда уходилъ: „До свиданія! Будьте здоровы!“; это были единственныя фразы, которыя онъ выучилъ на этомъ языкѣ.

А. И. Гучковъ,
вновь избран. предсѣдателемъ Гос. Думы.

**

Такъ прошла зима, какъ чудный, краткій сонъ, какъ вдругъ, въ концѣ марта, разразился надъ нами ударъ.

Это случилось на обѣдѣ въ домѣ Гуолтъ, на который были приглашены также и члены французскаго посольства.

Хозяйка дома, желая сдѣлать мнѣ пріятное, предложила виконту вести меня къ столу.

Когда мы шли въ столовую, я, взглянувъ на его смертельно блѣдное лицо, съ испугомъ спросила:

— Вы нездоровы, виконтъ?

Онъ только молча, покачалъ головой.

Потомъ, немного спустя, когда за столомъ начался оживленный разговоръ, онъ, слегка наклоняясь къ моему плечу, тихо сказалъ:

— Знаете, часъ тому назадъ, я получилъ свой смертный приговоръ. Мой тестъ переводится посланникомъ въ Константинополь, и я, въ качествѣ довѣреннаго attaché, долженъ ѣхать впередъ. Посланникъ едва согласился дать мнѣ сутки для приготовленія къ отъѣзду, и я... голосъ его прервался, я уѣзжаю завтра ночью...

Можешь себѣ представить, дитя, что я почувствовала, услышавъ эту ужасную вѣсть; я была близка къ обмороку и только вино, которое Гастонъ, видя мое вдругъ страшно измѣнившееся лицо, заставилъ выпить, дало мнѣ возможность сохранить самообладаніе.

Я еле дотрогивалась до того, что мнѣ подавали и разсѣянно отвѣчала на обращенныя ко мнѣ вопросы, вся поглощенная одной мучительной мыслью: „онъ завтра

*) См. прил. къ № 10 „Кіевск. Мысли“.

уѣзжаетъ“ и я никогда больше его не увижу!”

Къ концу обѣда Гастонъ, пользуясь шумомъ отодвигаемыхъ стульевъ, тихо проговорилъ:

— Могу я завтра вечеромъ пріѣхать къ вамъ... проститься съ вами... и застать васъ одну?...

— Въ девять я буду дома одна,—отвѣтила я чуть слышно и громко прибавила,— я съ удовольствіемъ, виконтъ, дамъ вамъ письма къ моимъ пріятельницамъ баронессѣ Перейра и госпожѣ Арнштейнъ, которыя въ настоящее время находятся въ Константинополѣ.

Кончился, наконецъ, этотъ томительный вечеръ, но ночью и на слѣдующій день тоска моя еще больше увеличилась.

Если еще и были у меня какія сомнѣнія, то теперь они исчезли, и я сознавала, что люблю, горячо, беззавѣтно люблю Гастона, и увижу его сегодня въ послѣдній разъ. Онъ уѣдетъ, и съ нимъ исчезнетъ все, что наполняло мою жизнь въ продолженіи этихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ такимъ невыразимымъ счастьемъ. Отирая поминутно набѣгавшія слезы, я написала обѣщанныя письма и стала, какъ приговоренный къ смерти, ждать послѣдняго свиданія.

Въ половинѣ девятаго Герцъ съ дѣвоч-

В. И. Сафоновъ.

ками зашли ко мнѣ проститься передъ отъѣздомъ въ театръ.

— У тебя лихорадка, Клерхенъ,—сказалъ мужъ, цѣлуя мою руку,—ты лучше сдѣлаешь, если пораньше ляжешь въ постель.

О, если бы онъ зналъ, какая лихорадка травила меня со вчерашняго дня, заставляя кровь бѣшено кружиться въ жилахъ и одну и ту-же безнадежную фразу шумѣть въ ушахъ. Сердце мое то билось сильно до боли, то замирало; я испытывала ощущение челоѣка, идущаго по крутому обрыву надъ моремъ и сознающаго, что гибель его неизбежна...

Когда дѣти съ мужемъ уѣхали, я прилегла въ своемъ будуарѣ на кушетку и стала ждать, считая минуты. Горничной было приказано не принимать никого, кромѣ виконта.

Въ дверь тихонько постучали. Неужели онъ?

— Войдите.

Дверь осторожно пріотворилась, и на порогѣ нерѣшительно остановился... Эби!

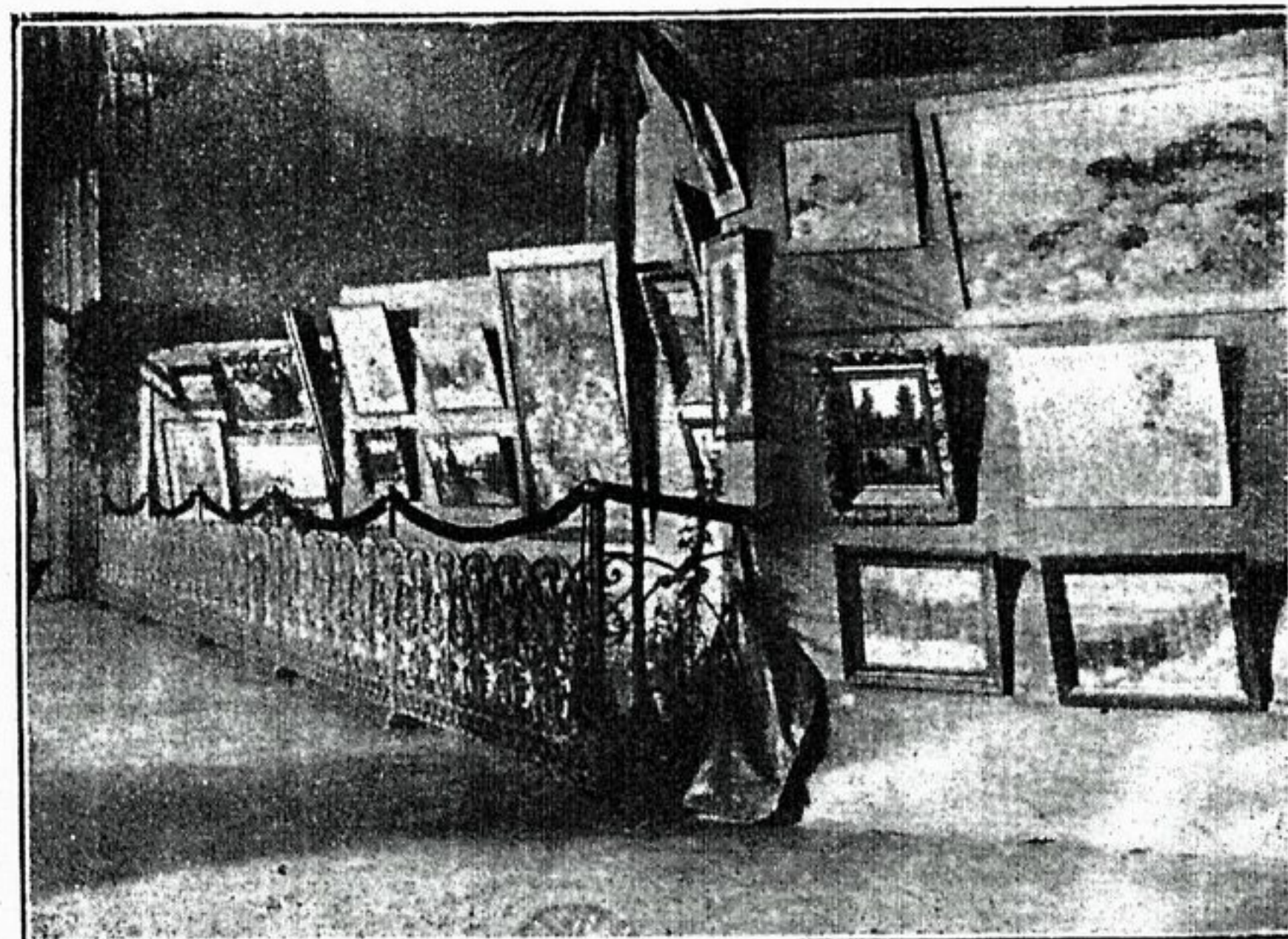
— Вы изъявили желаніе Фрау Герцъ, прослушать мою трагедію, когда я ее окончу. Вы сегодня дома одинъ и потому я

Выставка художниковъ-киевлянъ.

Г. П. Шлейферъ,
предсѣдатель правленія кievск. городск. кредитнаго общества.

(Къ 25-лѣтнюю дѣятельности).

Общій видъ выставки.

Двѣ сестры.

Карт. худ. Милькина.

Къ процессу М. Н. Тарновской

и др. въ
Венеціи.

Наумовъ, подъ руку съ карабинеромъ, идетъ въ здание суда.

Я слегка кивнула головой. Принявъ это за знакъ согласія, Эби вошелъ и скромно сѣлъ на стулъ, недалеко отъ моей кушетки. Меня сильно раздосадовало его появленіе, но потомъ я подумала: „пусть читаетъ, это мнѣ сократитъ муку ожиданія“. Къ тому же старикъ никогда не позволялъ себѣ оставаться, если прѣзжалъ кто-нибудь ко мнѣ. Эби развернулъ на колѣняхъ тетрадь и тихимъ, однообразнымъ голосомъ чтеца въ синагогѣ, началъ читать свое произведеніе.

Сюжетъ его трагедіи, насколько я способна была въ тотъ вечеръ понять, — взятъ былъ изъ библіи именно: исторія дочери Іеффая. Изъ развитія драмы оказывалось, что дѣвушка любила плѣнника — юношу чуждаго племени, не поклонявшагося Богу Израиля. Когда она узнала о не-

Предсѣдатель суда Фузинато.

сторожною обѣтъ своего отца и, выпросивъ два мѣсяца отсрочки своей ужасной казни, ушла въ горы оплакивать свою юную жизнь, ея возлюбленный пробрался къ ней, желая ее спасти. Но, какъ истая дочь израиля, дѣвушка отказалась и принесла въ жертву и жизнь, и любовь, для того только, чтобы „уста отца не солгали передъ Іеговой“.

Все это было пересыпано стихами изъ Библии, изрѣченіями изъ талмуда, и Эби библіи, изрѣченіями изъ талмуда, и Эби

не успѣлъ еще окончить, какъ въ дверь слова постучали. На этотъ разъ это былъ „онъ!“

Прекрасные глаза Гастона потемнѣли отъ гнѣва, когда онъ увидѣлъ Эби, и вмѣсто своего обычнаго нѣмецкаго привѣтствія, онъ сказалъ по-французски:

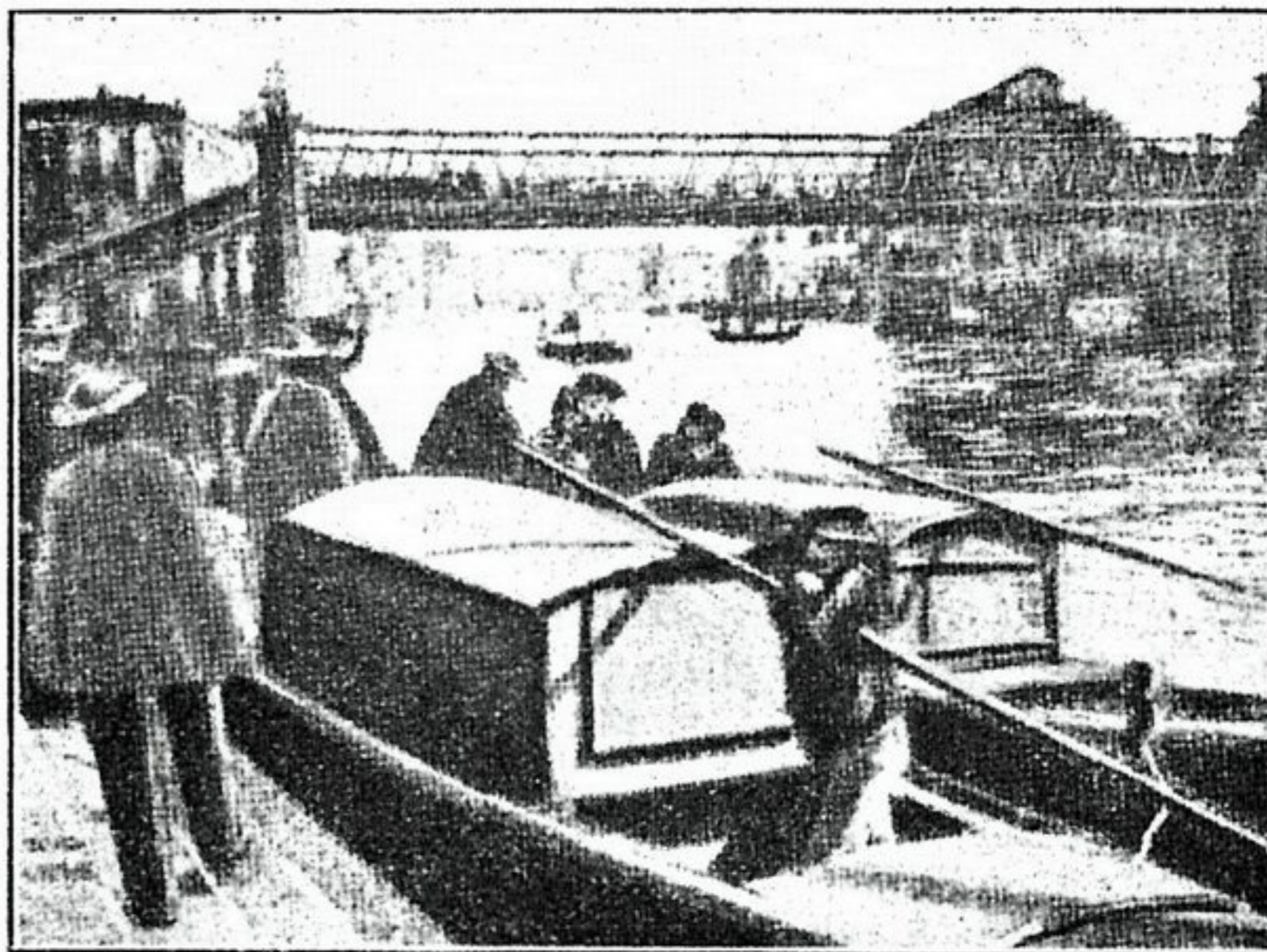
— Вы не одна... Надѣюсь вы здоровы? Можетъ быть я помѣшалъ?

Совершенно смутившись, я представила ихъ другъ другу, говоря, что нашъ старый, домашній другъ читалъ мнѣ свою драму.

Эби, хотя и не говорилъ, но понималъ по-французски и потому я надѣялась, что, услышавъ слова виконта, онъ сейчасъ же уйдетъ, понимая, что его присутствіе излишне; но не тутъ-то было, онъ спокойно оставался, только пересѣлъ подальше.

— Вы мнѣ въ слѣдующій разъ докончите ваше произведеніе, Эби,—обратилась я къ нему. Вещь эта очень хорошая и, я думаю, ее съ удовольствіемъ примутъ для постановки въ здѣшнемъ театрѣ...

Но это не помогло, Эби отвѣтилъ мнѣ

Тюремныя гондолы, въ которыхъ привозятъ обвиняемыхъ изъ тюрьмы въ здание суда.

О бщій видъ залы суда.

Группа студентов, окончивших юридический факультет университета св. Владимира.
 Сидят: Н. Демченко, ректор Н. Цытовичъ, председатель юрид. исп. комиссiи И. Тарасовъ, проф. М. Катковъ, прив.-доц. Н. Самофаловъ,
 деканъ юридического факультета В. Удинцевъ, Г. Демченко. Стоятъ: проф. О. Эйхельманъ и проф. А. Митюковъ.
 (Фот. Гудшонъ и Губчевскій).

Группа студентов, окончивших естественный факультет университета св. Владимира.]

Подарки, поднесенные М. Г. Савиной въ день юбилея.

Къ уходу Хомякова.

Рис. Юса.

Хомяковъ (Злорадно): Они еще вспомнят обо мнѣ! соберутся на засѣданіе,—хватъ—а звонка то и нѣтъ!

безмолвнымъ поклономъ, и... остался сидѣть, держа тетрадь на колѣняхъ и устремивъ взоръ на рисунокъ ковра.

Попросивъ виконта садиться, я заговорила съ нимъ по-французски:

— Когда вы ѣдете?

— Сегодня, въ двѣнадцать ночи.

— Боже мой, какъ жаль, такъ скоро...

Погода такая холодная, запаслись ли вы теплой одеждой? Нѣтъ? Ну въ такомъ

случаѣ я очень прошу васъ взять мой любимый пледъ... Не отказывайтесь пожалуйста, меня это огорчить... Письма готовы, вотъ они. Мои пріятельницы примутъ васъ хорошо...

Я еще что-то говорила, но, Боже мой, чего мнѣ стоили эти пустыя фразы, когда сердце мое готово было разорваться въ груди отъ боли, а противный старикъ все сидѣлъ неподвижно, какъ статуя съ опущенными глазами!

Сколько разъ мнѣ хотѣлось крикнуть ему: „да оставьте-же насъ, Эби, мнѣ нужно переговорить съ виконтомъ наединѣ“, но я чувствовала, что говоря это, я покраснѣю, какъ дѣвушка, пойманная на нехорошемъ поступкѣ и что... и что старый Эби взглянувъ на меня, прочтетъ на моемъ лицѣ волнующую меня грѣшную страсть... Разговоръ тянулся вяло, виконтъ отвѣчалъ мнѣ невпопадъ, наконецъ, не выдержавъ, вскопчилъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, на минуту остановился передъ часами и посмотрѣвъ на меня, съ упрекомъ, со вздохомъ, который смягчилъ бы камень, бросился въ кресло. Проклятый церберъ даже не шевельнулся!

Паузы становились все длиннѣе. Мы молча, съ отчаяніемъ смотрѣли другъ на друга, зная, что каждая секунда приближаетъ насъ къ роковой минутѣ разлуки, и мы не могли сказать ни одного ласкового, ободряющаго слова, не могли въ послѣдній разъ въ нѣжномъ пожатіи соединить наши руки. Пробило десять. Виконтъ всталъ, онъ съ трудомъ держался на ногахъ.

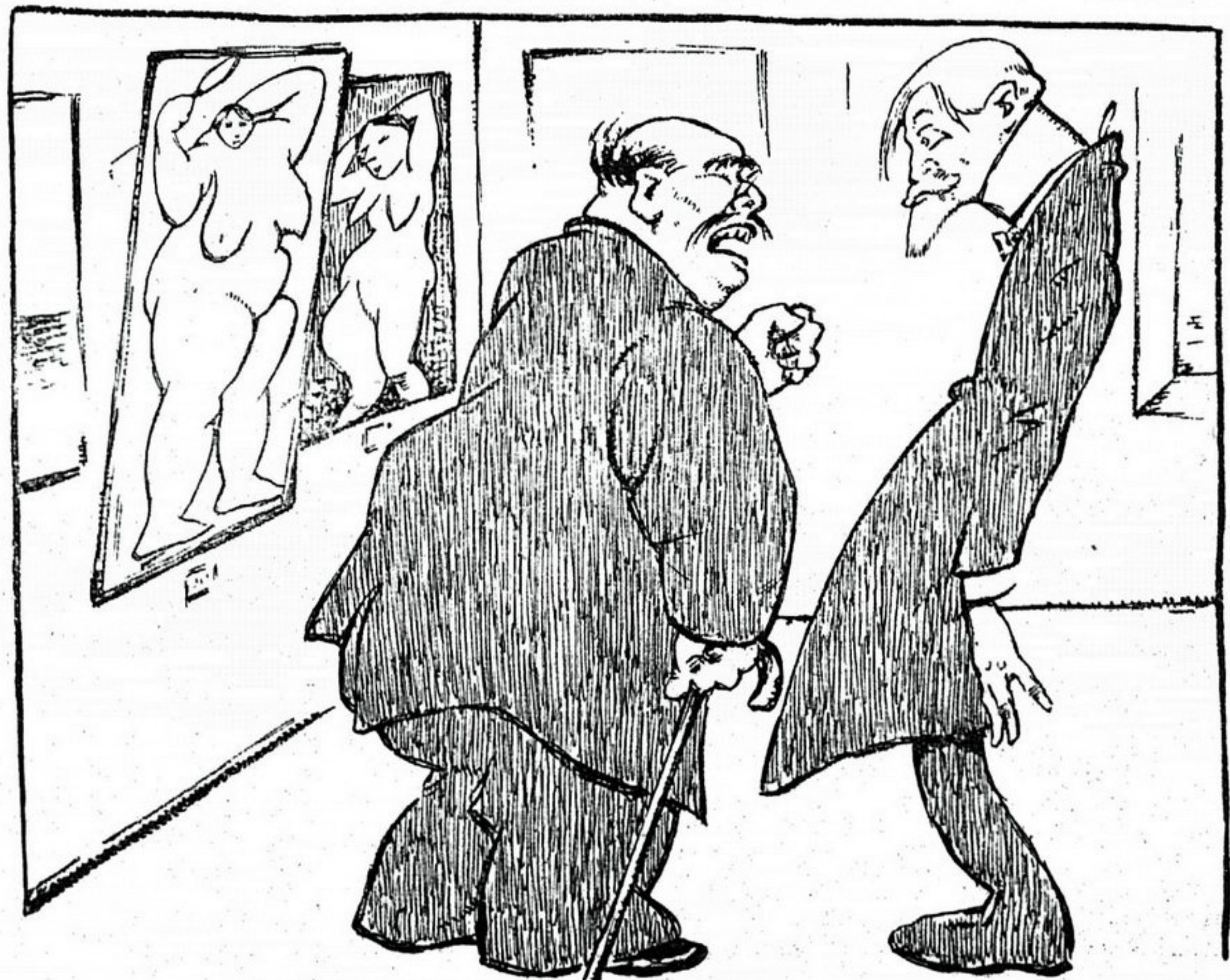
— Пора,—прошепталъ онъ,—графъ меня ждетъ. О, мадамъ...—въ голосѣ послышалось рыданіе.

— Я васъ провожу, господинъ Эби извините, если я его на минуту оставлю.

— О, мадамъ, я уйду со смертью въ

Въ „САЛОНЪ“.

Рис. Би-ба-бо.

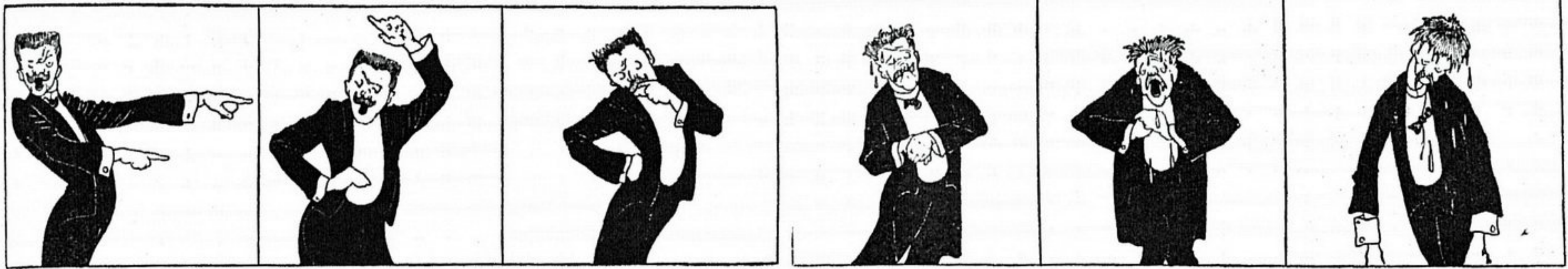
— Эй вы, г. организаторъ „Салона“,—гдѣ вы видѣли такихъ женщинъ? Гдѣ?! Одного декадента и двадцать импрессионистовъ вамъ въ глотку!!!

— Фи! что за несалонныя выраженія въ Салонѣ?!...

ГИБЕЛЬ ПРОКУРОРА.

Рис. Н. О.

Защитникъ Тарновской сказалъ корреспонденту, что онъ самъ становится равнодушнѣе къ своей клиенткѣ. (Изъ газетъ).

Взгляните, гг. судьи на эту ужасную преступницу! Это звѣрь во образѣ человѣка, вельзевулъ, чудовище!..

Вы не должны руководиться снисходительно, ибо жалость...

Ибо жалость есть чувство, недостойное человѣка...

...Ибо человѣкъ, такъ сказать, недостоемъ жалости..

...Ибо жалость... (Уф!) заставляетъ меня требовать.. т. е., предложить.. такъ сказать, подсудимой..

...Р-р-уку и сердце!!!

сердцѣ. Убѣжать, не сказавъ вамъ... О, если бы вы знали!...—шепталъ мнѣ Гастонъ, когда мы были у дверей.

— Я все знаю, другъ мой, и повѣрьте, у меня также сердце разрывается отъ горя... я въ отчаяніи...

Я медленно отворила дверь. Еще одна минута, одинъ шагъ и мы одни, я прижмусь на мгновенье къ его груди, скажу ему, какъ страстно, безумно люблю его и буду любить всегда, но... когда мы вышли въ гостиную, тамъ у стола, съ работой въ рукахъ, сидѣлъ другой мой врагъ—мамзель Цинора...

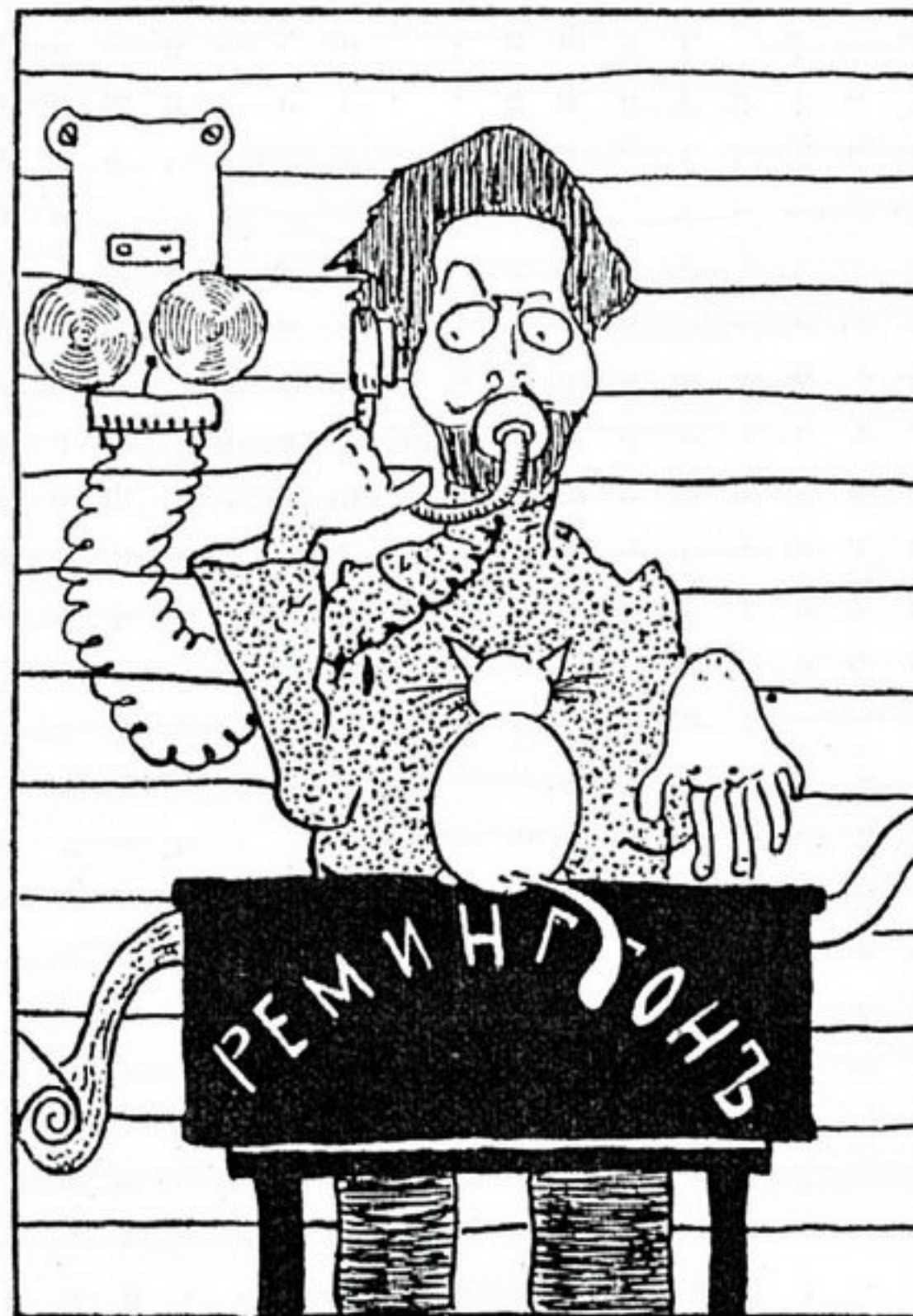
Потомъ я узнала, что эта коварная особа, узнавъ отъ горничной, что виконтъ придетъ вечеромъ прощаться, позаботилась донести объ этомъ Эби, котораго она все еще надѣялась женить на себѣ. Этимъ она хотѣла доказать, что я, которую онъ считалъ недосыгаемой, ничуть не лучше другихъ, выставивъ при этомъ свою собственную добродѣтель въ наилучшемъ свѣтѣ. Ослѣпленный ревностью Эби позволилъ себя уговорить сыграть роль соглядатая и прогнать, такимъ образомъ, соперника.

**

Какъ въ туманѣ вернулась я въ будуаръ и, упавъ на кушетку, разразилась отчаянными рыданиями, совершенно забывъ о присутствіи Эби. Когда мои рыда-

Какъ работаютъ писатели.

Рис. Юса.

Арцыбашевъ (въ телефонѣ): Изъ Австраліи? Не могу: романъ уже запроданъ въ Сѣв. Америку! (пишетъ) „Онъ улыбнулся ей мускулами своихъ ногъ“... Агафья! Дайте музѣ молока! (въ телефонѣ) Двадцать тысячъ за листъ и ни копѣйки меньше!“

нія немного утихли, я услышала вдругъ надъ собой его торжественный голосъ:

— Фрау Герцъ, я васъ всегда глубоко уважалъ, сегодня я падаю ницъ передъ вами. Побѣда, которую вы одержали надъ собой неизмѣримо важнѣе побѣды, одержанной надъ своими чувствами дочерью Іеффая. Не говорите, что я помогъ вамъ, если бы вы только сказали: „Эби, оставьте насъ“, я бы тотчасъ-же ушелъ, какъ звѣрная собака, повинующаяся приказанію своего господина. Но... вы не сказали ни слова и я чувствую себя счастливѣе короля, которому подарили вдругъ еще, новое, огромное царство, и болѣе гордъ, нежели полководецъ, одержавшій блистательную побѣду. „Красота женщины ничто, говорилъ пророкъ Соломонъ, хвалите ее тогда, когда она хранитъ вѣру своему господину“. А Іесусъ, сынъ Сираховъ, говоритъ: „прекрасная жена, остающаяся добродѣтельной, есть лучшая изъ лампадъ священнаго свѣтильника“... Позвольте же мнѣ, фрау Герцъ, поцѣловать край вашей одежды!.. —Онъ низко, почтительно поклонился, поднесъ къ губамъ край моего платья и тихо выскользнулъ изъ будуара.

Я заболѣла. А когда я впервые послѣ долгихъ мѣсяцевъ тяжелой болѣзни, вышла изъ своей комнаты, ни Эби, ни Цикоры въ домѣ у насъ уже не было.

Черезъ нѣкоторое время я получила

Къ выставкѣ въ Царскомъ саду.

Рис. А. Б.

Теперь.

Во время выставки...

Въ будущемъ...

Галерея шаржей европейских писателей.

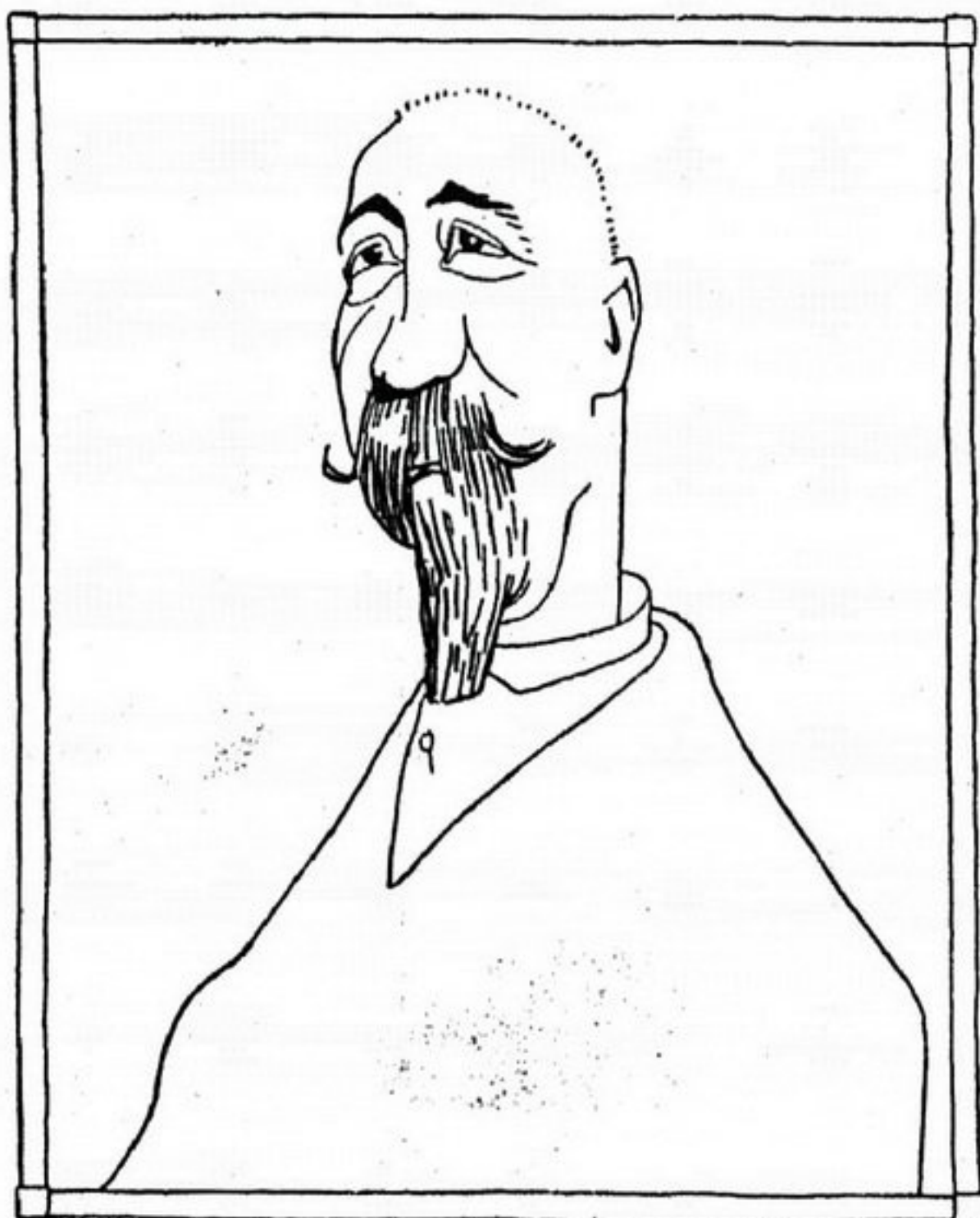
Германъ Баръ.

Гольгеръ Драханъ.

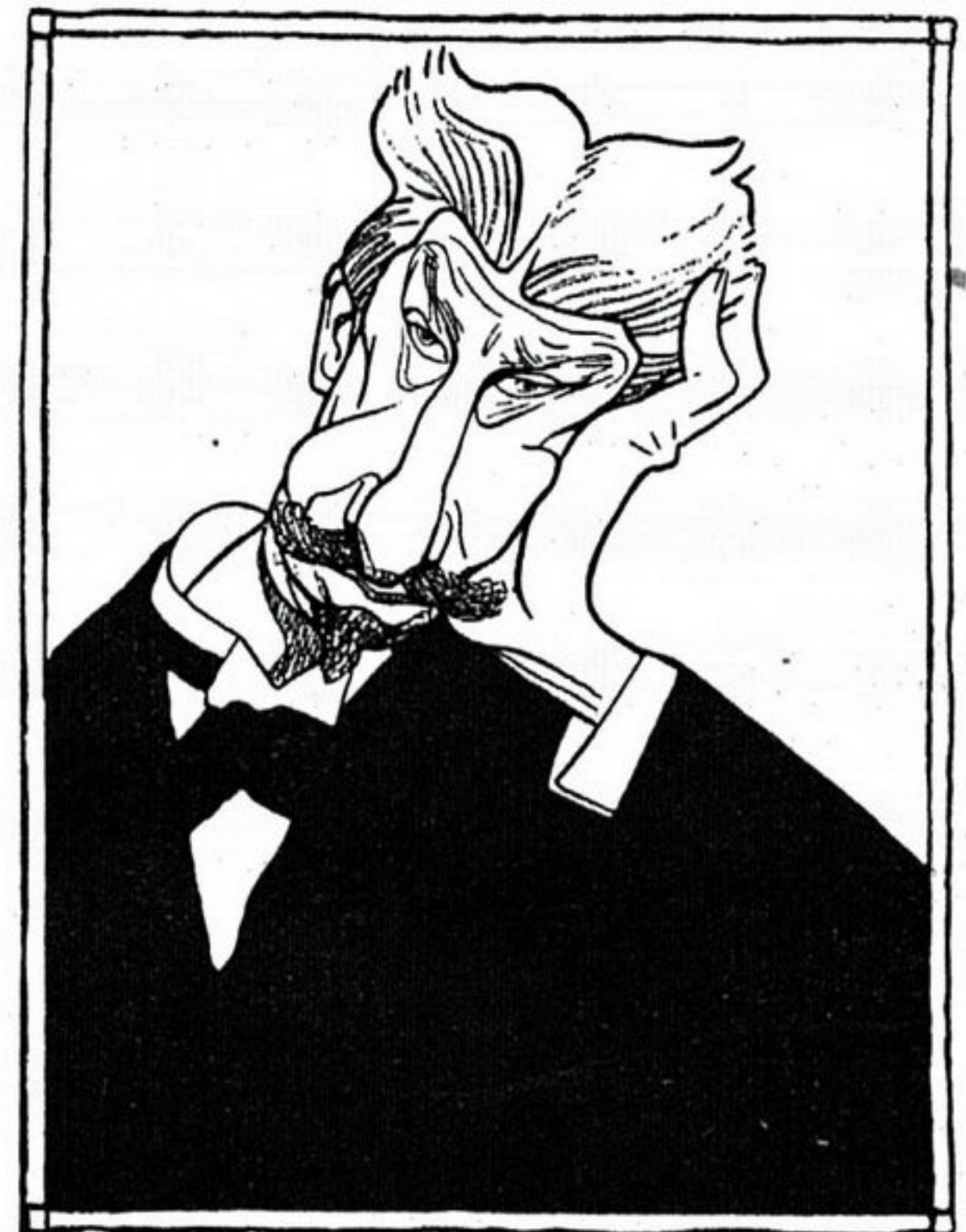
Максимъ Горькій.

Анатолю Франсъ.

Бьернстерне-Бьернсонъ.

Георгъ Брандесъ.

изъ Константинополя вотъ это кольцо и письмо, полное горестныхъ признаній. То и другое я показала мужу: онъ посмотрѣлъ и молча возвратилъ мнѣ ихъ.

Герцъ, очевидно, хорошо зналъ мой характеръ и, доверяя мнѣ вполне, не вмѣнилъ мнѣ въ грѣхъ моей чистой любви къ Гастону.

Я заказала подобное же кольцо съ надписью „Навсегда“ и прибавила нѣсколько строкъ, прося не писать мнѣ больше никогда. Гастонъ исполнилъ мою просьбу. Я слышала иногда о немъ отъ общихъ знакомыхъ. Черезъ пять лѣтъ пришло извѣстіе о его смерти.

Вотъ и вся простая и грустная исторія этого кольца,—печально закончила теть Клерхень.

— Тебѣ должно быть очень грустно, не правда-ли, тетя,—воскликнула я неосторожно,—когда ты часто смотришь на кольцо, вспоминая виконта, я думаю ты

раскаиваешься немножко.

Она задумчиво смотрѣла передъ собой и потомъ тихо проговорила.

— О, дитя, ты еще молодъ. Ты еще

не испыталъ, что больнѣе всего, когда раскаиваешься въ томъ, въ чемъ нечего было раскаиваться...

МЕБЕЛЬ
Дешевле всехъ „случаевъ“ предлагаетъ зарекомендованный складъ
У. М. ЛИТВИНЧУКА.
КОЛОССАЛЬНЫЙ ВЫБОРЪ
всевозможные стили. Прошу помнить точный адресъ. **ПОДОЛЬ**, д. Шварцмана, противъ Контрактоваго дома, **ВО ДВОРЪ**.
За упаковку масса благодарностей.
Фир. сущ. съ 1876 г. Телефонъ 1973.
Вывѣска нашего магазина видна на Подольск. станціи трамвая, если смотрѣть по направленію Контрактоваго дома вверху 10621

МЕБЕЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
В. ГАРАТЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВО В. ГАРАТЪ
ПРЕДЛАГАЕТЪ ИЗВѣСТНЫЯ КРЕСЛА —
— КРЕСЛА —
— ПАТЕНТЪ В. ГАРАТЪ!
— ПУХЛЯКИ —
— КУШЕТКИ —
— ДИВАНЪ —
— ОТОМАНКИ —
— БЪРЮВЕТЫ —
СЪ ПРУЖИНЫМЪ МАТРАЦЕМЪ
И ВОЛЪ ВЕНЕЦЪ
ДЛЯ ПОСТЕЛЬНОГО БѢЛЫЯ

Телефонъ № 2642.7

3643